

МИКРОИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94(470.41)

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ТАТАРСКОЙ ЖЕНЩИНЫ ДОРЕФОРМЕННОЙ ЭПОХИ (НА ПРИМЕРЕ МЕНЗЕЛИНСКОГО УЕЗДА)

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
ФИЦ «Казанский научный центр РАН»
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье на основе документов Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), ревизских сказок, метрических книг и публицистических материалов XIX – начала XX вв. реконструируется социально-экономическое положение татарок-мусульманок Мензелинского уезда Оренбургской губернии. Этот уезд отличался сословной спецификой и вовлеченностью в систему военного (кантонного) управления. Хронологические рамки охватывают период с конца XVIII в. до середины 1860-х гг. В это время был утвержден ряд нормативно-правовых документов, касающихся брачно-семейной жизни мусульман Российской империи: изменился брачный возраст, разрешены межсословные браки, регуляцией супружеских споров и наследственными делами начало заниматься ОМДС.

Основное внимание автор уделяет брачно-семейному аспекту частной жизни. Приводятся архивные примеры, связанные с татарскими женщинами Мензелинского уезда. В ОМДС татарки обращались с просьбами о разводе, о разрешении на вторичное замужество и по другим обстоятельствам. Женщины, даже выступая самостоятельными субъектами мусульманского и гражданского права, действовали только при поддержке родственников.

Образы татарских женщин Мензелинского уезда и Закамья первой половины XIX в., представленные в работах публицистического характера, отличаются определенной статичностью. Русские авторы оценивали лишь внешний вид татарской женщины, стоимость её нарядов, аксессуаров. Оценки татар больше связаны с составом семьи (за кого вышла замуж женщина, сколько детей она родила).

Раскрываются биографии трех татарских женщин из Мензелинского уезда – Курыплы Иманаевой, Гульбадар Ахтямовой и Хасибы Ардуановой. Каждый случай иллюстрирует основные тенденции повседневной жизни первой половины XIX в. (проблемы рекрутской службы, последствия холерной эпидемии и т.п.). В межличностных отношениях, в том числе в конфликтах, существенную роль играли предметы быта. Татарская женщина дореформенной эпохи ассоциировалась с материальной собственностью конкретной семьи. Вместе с тем, во второй половине XIX в. обозначается идеал не только трудолюбивой и религиозной, но и образованной татарской женщины.

Ключевые слова: татары, мусульмане, история повседневности, гендерная история, сословия Волго-Уральского региона.

Для цитирования: *Габдрафикова Л.Р.* Частная жизнь татарской женщины дореформенной эпохи (на примере Мензелинского уезда) // Историческая этнология. 2023. Т. 8. № 3. С. 407–421. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.407-421

История частной жизни – наименее изученная тема для татарской историографии, что объясняется ориентированностью большинства исследований на общественно-политическую проблематику и явной ограниченностью источниковой базы. Вместе с тем частная жизнь обладает не меньшим познавательным потенциалом. В этой связи крайне актуальна реконструкция частной жизни татарской женщины дореформенного времени (т.е. до 1860-х гг.), что поможет восполнить отдельные пробелы общей истории татарского народа.

Ценной документальной базой в этом вопросе является архивный фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) – учреждения регулировавшего в имперский период частную жизнь мусульман Волго-Уральского региона, Сибири и Центральной России. ОМДС было создано в 1788 г. и находилось в Уфе. Этот орган выступал гарантом норм шариата в Российской империи, поэтому казьями (судьями) собрания рассматривались самые разные спорные дела, касавшиеся семейно-брачных взаимоотношений. В более поздний период – на рубеже XIX–XX вв. – мусульмане с этими вопросами обращались не только в ОМДС, иногда они выбирали уже гражданские суды в зависимости от ситуации.

Мензелинский уезд был одним из самых густонаселенных уездов Волго-Уральского региона (например, в нем в 1911 г. проживало более 480 тыс. жителей), а татары-мусульмане составляли солидное большинство (Собрание постановлений..., 1913: 586) Спецификой уезда являлся высокий процент крестьян-вотчинников, состоявших в сословии башкир, а также тептярей – крестьян, обладавших меньшими земельными правами. Помимо них в уезде проживали служилые и ясачные татары. Земельная собственность играла важную роль в функционировании семьи, а вопросы имущества были одним из главных камней преткновения при судебных разбирательствах. Кроме того, Мензелинский уезд как часть территории Оренбургской губернии до середины 1860-х годов входил в систему военного (кантонного) управления, что тоже отражалось на повседневном укладе местного населения, в том числе женского.

Семейная жизнь татарской женщины в зеркале нормативно-правовых актов и делопроизводственных материалов

В первой половине XIX в. сложились определенные правовые нормы, регулирующие жизнь татарской женщины. Введение в начале XIX в. метрических книг, где помимо рождения и смертности, начинают фиксировать еще браки и разводы, сделало частную жизнь мусульман открытой для определенного круга должностных лиц. Факты частной жизни субъектов мусульманского права становились предметом деловых переписок, порой играли роль в решении вопросов общественного характера. Например, в «Правилах семейно-брачных отношений», представленных муфтием ОМДС Габдулвахидом Сулеймановым в 1841 г., оговаривался брачный возраст: для мужчин – от 18 лет, для женщин – от 16 лет (Сборник циркуляров, 1902: 3). Позднее, некоторые имамы были вынуждены оставить свои должности из-за несоблюдения этого указа (например, по ошибке в 1858 г. на некоторое время был отстранен от службы казанский мулла, известный ученый-мулла Ш.Марджани).

На местах за регулирование семейно-брачных отношений отвечали не только имамы и ахуны, но и старшины (в случае Башкиро-мещеряцкого войска). В 1842 г. у командования Башкиро-мещеряцкого войска были попытки перевести семейно-брачные дела к ведению гражданских властей, но оренбургский генерал-губернатор В.А. Перовский отклонил это ходатайство, оставив все под началом ОМДС (Азаматов, 1999: 125).

Еще одним источником для изучения частной жизни служат материалы государственных переписей («ревизских сказок»). По данным исследователя Р.Р. Аминова, татарские девушки из Мензелинского уезда заключали браки не только в пределах своего уезда, но и выходили замуж за татар из Заказанья, что, безусловно, указывает на устоявшиеся родственные связи между жителями этих регионов. По этим документам можно увидеть, что в конце XVIII в. среди татар Мензелинского уезда было много межсословных браков: семьи ясачных татар чаще всего рождались и с тептярями, и с «башкирцами» (Татарские селения, 2021: 64).

Это очень важный момент, поскольку во время тюркских восстаний на территории Уфимской провинции (куда входил и Мензелинский край) еще в первой половине XVIII в. были введены некоторые брачные ограничения в отношении представителей сословия «башкирцев». В частности, в 1736 г. утверждены правила, согласно которым браки между «казанскими татарами» и «башкирцами» допускались лишь в особых случаях, после челобитной и личного разрешения казанского губернатора, а также уплаты брачующимися пошлины – 1 драгунской лошади. При несоблюдении этих условий предусматривался штраф (3 драгунские лошади) или ссылка (Законы..., 1999: 147). На практике это могли быть и телесные наказания, если никах был прочитан не указным муллой. Например, Роберт Круз описывает один случай «сожительства башки-

ра Габдрахима Мендиярова и татарки Маргавафы Хабибуллиной», которые в 1833 г. получили 200 ударов плетью за это (Круз, 2020: 178). Возможно, американский исследователь немного не разобрался в сословных и этнических особенностях населения Волго-Уральского края и сделал поспешные выводы. Здесь речь, судя по всему, все же идет о межсословном союзе татарской пары, а не межэтническом «прелюбодеянии».

Тем не менее, как мы увидели выше, межсословные браки в татарских деревнях Мензелинского уезда не были редкостью. Очевидно, такая же ситуация наблюдалась и в других местностях Приуралья, где проживали татары. Поэтому в 1840-е гг. ОМДС признает, что муллами это указание фактически не соблюдается, а ограничения на такие браки утрачивают юридическую силу (Азаматов, 1999: 133).

Опровергают ревизские сказки первой половины XIX в. и гипотезы о том, что для сословных общин «башкирцев», в силу их владения большими земельными угодьями, была характерна полигамия. Анализ данных по некоторым татарским деревням Мензелинского уезда (Такталачук, Байсарово, Актаныш, Новое Алимово, Поисево – входят в состав совр. Актанышского района Республики Татарстан), где имелись сословные группы «башкирцев», тептярей и «мещеряков», показал, что многоженство встречалось у всех сословий, а между количеством жен и материальным состоянием мужа не наблюдается четкой корреляции. Например, в 1859 г. среди жителей татарской деревни Мастеево, где проживали в том числе представители дворянского сословия, лишь у 52-летнего Абдулвали Султанова имелось две жены (Татарские селения, 2021: 68).

Поверхностный взгляд на документы ОМДС может оставить ложное впечатление о большом числе разводов в мусульманских семьях, в том числе среди татар Мензелинского уезда. Но данные еще одного любопытного источника – метрических книг – указывают на то, что, хотя и разводы случались, но они не носили массовый характер. Так проведенный исследовательницей Э.К. Салаховой анализ семейно-брачных отношений большого волостного села Байсарова показал, что на 30–35 заключенных браков в среднем приходилось 2–3 развода (Татарские селения, 2021: 109).

Практиковался и *талак* (инициатором выступал мужчина), и *хлюг / хулла* (развод инициировала женщина). Основаниями для развода могли быть самые разные причины. Например, в 1861 г. житель д. Мушуги (совр. Мензелинский район Республики Татарстан) Мухаметшакир Сайфуллин развелся со своей 17-летней супругой Бибимафтухой из-за того, что она играла на улице с посторонними мужчинами, а сам в это время отсутствовал (Асфандияров, 1990: 143). Очевидно, инфантильное поведение молодой жены воспринималось обществом как позор для супруга, и он решился на крайнюю меру.

Для мужчины с материальной точки зрения был выгоден не *талак*, а второй вариант развода. Возможно, поэтому они могли довести семейную жизнь

до такого состояния, когда отчаявшаяся женщина сама просила о разводе. Например, в 1827 г. Фарсибану Абдулвахитова из д. Старое Алимово (совр. Актанышский район Республики Татарстан) вышла замуж за муэдзина Фатхуллу Таймасова. Супруги прожили вместе три года. Однако семейная жизнь была осложнена агрессивным поведением мужа. В результате, в 1830 г. Фарсибану пожаловалась в Оренбургское магометанское духовное собрание на грубое обращение мужа с ней и попросила разрешения на повторное замужество. Детей у супругов не было. Разбирательства по данному делу продолжались до 1838 г. (НА РБ. Ф.И–295. Оп.4. Д.604. Л.1–6).

Довольно часто интересы женщин в ОМДС представляли их отцы, именно они подавали прошения о разводе. Например, в 1833 г. о разводном листе для своей дочери просил отставной есаул А.Арсланов из д. Старое Алимово (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.762). В следующем 1834 г. о таком же документе запрашивал С.Сажитов из д. Исянгулово Бишинды-Останковской волости (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.822). С аналогичной просьбой обратился в ОМДС в 1835 г. житель д. Куяново И.Максютов (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.886). Развод (в некоторых случаях – заочный) был необходим при вторичном замужестве татарки-мусульманки. Например, в 1831 г. Г.Бикташева просила ей разрешить замужество в связи со ссылкой осужденного за преступление мужа в Сибирь (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.665). Разрешения такого же характера были получены жительницами Мензелинского уезда – Бикмухаметовой (1835 г.) (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.889), Ф.Тухфатуллиной из д. Чатово (1836 г.) (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.999).

В некоторых случаях повторное замужество происходило внутри одной семьи. Например, в 1816 г. у жителя д. Суксы 26-летнего Абдулнасыра Юлдашева были две жены: 40-летняя Вафара и 16-летняя Сагида. Исследователь А.З. Асфандияров предположил, что А.Юлдашев мог взять в жены вдову своего старшего брата (Асфандияров, 1990: 140). С учетом недавней Отечественной войны и Заграничного похода, в которых принимали участие и татары-мусульмане Мензелинского уезда в составе Башкиро-мещеряцкого войска (до 1855 г.), такое предположение о практике левиратов выглядит вполне убедительным.

В ведении ОМДС были вопросы наследования, поэтому женщины обращались в учреждение после смерти мужей или же отцов с просьбой о разделе имущества. Например, в 1831 г. в собрание обратилась татарка из д. Кадырово Н.Имеева (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.666), в 1832 г. Ф.Абдулнасырова из д. Черный Ключ (совр. Черемшанский район Республики Татарстан) просила о разделе имущества, оставшегося после смерти её отца (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д.711). Интересно, что такого рода прошения в некоторых случаях подписывались самими женщинами. Это были неординарные факты, т.к. большинство та-

тарских девочек тогда еще не обучалось письму. Они учились только чтению у абыстай (супруги муллы).

Таким образом, материалы переписей (ревизий), нормативно-правовые акты, метрические книги и делопроизводственные источники позволяют в общих чертах обозначить частную жизнь татарских женщин Мензелинского уезда на рубеже XVIII-XIX вв. Заинтересованность вышестоящих властей в большем контроле мусульман империи и создание ОМДС способствовали переменам в частной жизни.

Образы татарской женщины из Закамья

в публицистической литературе второй половины XIX – начала XX вв.

Вплоть до середины XIX в. татарские женщины, как и представительницы других народностей России, были практически невидимыми персонажами общественной жизни. Женское просвещение в империи получает развитие лишь во второй половине столетия, экономическая активность женщин была скорее номинальной (коммерческие дела осуществлялись через доверенных-мужчин). Если учесть замкнутый характер жизни мусульманок, то представление их внешнего образа почти невозможно. Тем не менее, есть несколько источников, где приводится подробное описание внешнего вида татарских женщин, в том числе жительниц Мензелинского уезда.

Например, сохранился любопытный источник личного происхождения, связанный с деревней Мастеево Мензелинского уезда. Сегодня уже этого населенного пункта не существует, деревня находилась недалеко от волостного центра Байсарово (совр. Актанышский район Республики Татарстан). Рукопись на русском языке, оставленная судя по всему кем-то из приезжих (этот населенный пункт был известен своим кумысным промыслом, поэтому многие приезжали туда на кумысолечение), предположительно относится ко второй половине XIX в. «Одежда женщин состоит из рубашки, шаровар (обязательно) и блузы; головное украшение или платок, или колпак обще-татарского типа. Волосы обыкновенно заплетают в косу и на конце косы привешивают, если есть, серебряные деньги. На груди носят ожерелье из денег», – отмечал автор документа (Багаутдинова, 2017: 176). Он подчеркивал любовь татарских женщин (особенно молодых девушек) к макияжу: они чернили брови, румянили щеки и даже красили ногти. Недостаточно изжитым был в то время обычай чернить зубы. Вместе с тем, замужние женщины постепенно отвыкали от этой страсти к «живописи» (Багаутдинова, 2017: 177).

Примерно такие же сведения приводит И.М. Казанцев – ученый-этнограф и незаурядная личность, а по совместительству чиновник канцелярии Оренбургского военного генерал-губернатора. По итогам пребывания И.М. Казанцева в Оренбургской губернии, в том числе в Мензелинском уезде, был подготовлен труд «Описание башкирцев», изданный в Санкт-Петербурге (Казанцев,

1866). Итогом работы Ильи Михайловича стала не только эта книга, но и открытие в Мензелинске женского училища. Казанцев стал членом Попечительного совета нового учебного заведения (Журналы, 1885: 42–43).

И.М. Казанцев отмечал, что женщины из сословия «башкирцев» носят простые платья («холщевые или бязинные»), «вышитые вокруг воротника и на груди алого цвета нитками, бумагой или шелком», а также шаровары, сверху платья что-то вроде кафтана («зюлен»), летом этот предмет одежды был без рукавов. Так же, как и в примере из Мастеево, исследователь отмечает, что женщины украшали себя «вокруг груди и воротника» «мелкими серебряными монетами». Обувью служили узорные цветные ичиги и туфли из сафьяна.

И.М. Казанцев приводит описание традиционных женских головных уборов *кожбов*, украшенного «красным бисером, корольками и другими вещицами», и *калябаш* – «шлемообразную чешуйчатую шапку с длинным широким хвостом». Последний головной убор («самый щегольский наряд башкирок») украшался серебряными монетами и, как отмечал этнограф, стоил «иногда до 1000 р. и более». Уже в 1860-е гг. *калябаш* носили довольно редко, он переходил из поколения в поколение, пока владелица не продавала его из-за нужды (Казанцев, 1866: 25–26). В этом замечании привлекает внимание слово *калябаш*, напоминающее название татарского мужского головного убора *каляпуш*, и выделение двух видов женских чепцов, поскольку в более позднем времени шлемообразная шапка с длинным широким хвостом, украшенная бисером и монетами называли *кашбау* / *кашмау*.

Как и автор из Мастеево, И.М. Казанцев пишет о чрезмерном увлечении женщин «башкирцев» белилами и румянами, о том, что они чернили не только брови, но и зубы, а также красили ногти охрой или «известным соком растений». Но это касалось в большей степени «аристократок», тогда как остальные ухаживали за собой без особых «претензий» (Казанцев, 1866: 25–26).

Если сторонние наблюдатели акцентировали внимание обычно на внешнем виде татарских женщин, то совсем другие образы представлены в материалах татарских авторов. В этой связи любопытен труд «Знаменитые женщины» Ризаэтдина Фахреддина. Первая печатная версия этой книги датируется 1904 г., позднее автор значительно дополнил рукопись. Во второй неопубликованной версии имеется несколько очерков о татарских женщинах Закамья. В описании женских биографий для исследователя приоритетной является информация о образованности и религиозности татарок, но не менее важны и сведения о её семье (замужество, детях и т.д.). В этом смысле, Фахреддин дублирует традиционные сведения из метрических книг, в которых фиксировались все эти моменты (дата рождения самой женщины, дата замужества, даты рождения и смерти ее детей, дата смерти героини).

Например, о своей матери Мавгубе, 1821 г.р., дочери имама деревни Старый Иштиряк (Бугульминский уезд) Р.Фахреддин сообщает следующее: «Дос-

тигнув школьного возраста, она училась у своего отца Рамкула, у матери Фархиджамал и у деда со стороны матери Гисматуллы, сына Габдуррахмана ат-Тайсугани, имама, мухтасиба и ахунда, превосходного ученого, и получила от них очень хорошие знания. Но она так и не научилась писать, потому что ее воспитатели и учителя не захотели учить ее этому». В 1839 г. Мавгуба вышла замуж за Фахреддина – имама деревни Кичучат того же Бугульминского уезда. В браке родилось 6 детей. По сообщению Р.Фахреддина, они «прожили разное количество лет», т.е. некоторые её дети умерли слишком рано. Помимо семейных и хозяйственных дел, у супруги имама были и другие обязанности общественного характера. «Она собирала у себя девочек и учила их по тюркским, арабским и персидским книгам, теоретически и практически обучала их вероучению и основам ислама, – пишет о своей матери автор. – В специально назначенное время она читала проповеди женщинам и старалась с лучшей стороны воздействовать на их благонравие. И для меня моя мама была самой авторитетной наставницей благонравия. Я испытываю к своей маме огромное чувство благодарности и признательности за то, что она была моей мамой и наставницей». Умерла Мавгуба в возрасте 54 лет (Фахреддин, 2008).

Другая женщина – Магданульджамал, 1828 г.р., дочь уважаемого религиозного деятеля Закамья, знаменитого шейха из Такталачука Фазлуллы бин Файзуллы. Она была супругой Якуба Нигматуллина (Мансурова), имама д. Новое Алимово. Магданельджамал умела не только читать, но и писать. Этим она сильно отличалась от других татарских женщин того времени. «Получив образование у своего отца, Магданульджамал обладала обширными познаниями в арабском и персидском языках и писала красивым почерком. Своєю рукою она переписала книги «Религиозное учение Пророка Мухаммада» и «Ниша для светильников» и позже откорректировала эти списки, – писал про нее Р.Фахреддин. – Свою жизнь она посвятила обучению и религиозному воспитанию девочек и женщин». В семье Магданульджамал-абыстай и Якуб-хазрата было 7 детей. Лутфулла продолжил дело отца. Со слов другого человека, Р.Фахреддин дает некоторую личностную характеристику: «Магданульджамал-абыстай была немногословна, сообразительна и остроумна. Она в совершенстве знала мусульманское право, очень правильно читала Коран, и ее чтение было приятно слушать». Благочестивая мусульманка умерла в возрасте 78 лет на молитвенном коврике, в ожидании предвечерней молитвы (Фахреддин, 2008).

Р.Фахреддин посвятил очерки и другим уроженкам Мензелинского уезда. Среди них – мать знаменитых просветителей Буби – Бадрульбанат, которая родилась в семье имама д. Тойгузино (совр. Менделеевский район Республики Татарстан) и была не только религиозной, образованной, но и хозяйственной женщиной; Гайша-абыстай (дочь известного муллы Шагиахмеда бин Рафика из д. Симек (совр. Тукаевский район Республики Татарстан), супруга Шамсимухамед-хазрата из д. Сафар (Актанышский район Республики Татарстан).

Несмотря на любопытные детали, все эти описания внешнего вида, уровня образования и семейного состояния татарских женщин, все же не создают полноценной картины, а могут быть рассмотрены лишь как их образы. В первом случае, он создается путем видения *других* (наблюдателей со стороны) и отсюда выводы о том, что *их* женщины не особенно красивы. Во втором – это представления самих татар об идеальной женщине – образованной (в религиозном смысле) и благочестивой матери семейства.

Три женские биографии

Попытаемся реконструировать биографии нескольких татарских женщин, живших в первой половине XIX в. в Мензелинском уезде. Их можно было бы отнести к категории «маленьких людей», т.е. тех акторов истории, жизнь которых не интересна «большой истории» с «выдающимися личностями». Вместе с тем, такие биографии составляют ткань повседневности дореформенной эпохи.

1) Курыплы Иманаева родилась в 1790-х гг. Жительница деревни Мансур Сакловой Мензелинского уезда (совр. д. Новое Саклово Сармановского района Республики Татарстан). В 1815 г. ее мужа Гарифулла Амирова отдали в рекруты. Перед этим он при свидетелях дал супруге «увольнение», т.е. развод. Процедура сопровождалась материальными отступными: Иманаева отдала бывшему мужу две белые рубашки, двое портков холста «ценой 12 руб.». Лишь через 17 лет после развода, Курыплы Иманаева решилась на второе замужество. 9 февраля 1832 г. она просила Оренбургское магометанское духовное собрание дать ей разрешение на вторичное замужество в связи с призывом ее первого мужа на военную службу (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.707. Л.1–1 об.).

2) Гульбадар Ахтямова. Год рождения неизвестен (около 1809 г.). Уроженка деревни Чуганеево Мензелинского уезда (совр. д. Чуганак Актанышского района Республики Татарстан). Воспитывалась матерью и отчимом, рядовым Мензелинской инвалидной команды Салихом Сейфуллиным. Проживала в г. Мензелинске.

На момент описываемых событий ей было не больше 20 лет. 1 января 1829 г. женщину сосватали за рядового Мензелинской инвалидной команды Хасея Абдрахимова. По ее словам, «с её согласия». Родители её после сватовства условились получить с жениха калым – 250 рублей. Из них невесте досталось «серебряной монетой 4 рублевика», а остальные деньги он обещал заплатить позднее: в марте – 100 руб., а 134 руб. – после переезда к нему. Супруги проживали в Мензелинске, и в том же марте 1829 г. Гульбадар переехала в квартиру Хасея. Но семейная жизнь не сложилась. Через некоторое время молодая жена пожаловалась на мужа, что она «никакого плотского действия с ним не имела», а супруг «отзывается больным». В мае 1829 г. Г.Ахтямова просила ахуна д. Поисеевой М. Ягудина, выполнявшего религиозные требы мензелинцев, развести ее с Х. Абдрахимовым.

В ходе разбирательств ахуна, супруг Гульбадар признался, что у него имеется «тайная болезнь» и обещал вылечиться в течение шести месяцев. Однако так быстро исправить недуг Хасею не удалось, супруги постоянно ссорились. Однажды разъяренный муж выгнал её из квартиры, Гульбадар была вынуждена вернуться в дом отчима. Она отмечает, что супруг отправил ее на улицу, «отобрав от меня собственную мою одежду», что по меркам начала XIX в. расценивалось как хищение ценного имущества.

Пока супруги проживали по отдельности, муж не терял зря времени. Он обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой вернуть супругу. В итоге, Гульбадар Ахтямова получила документ из Мензелинского земского суда, который сообщал ей о необходимости воссоединения с Х. Абдрахимовым. Но семейная жизнь оказалась такой же несчастливой, как и раньше: супруг проявлял агрессию, Гульбадар оказалась жертвой домашнего насилия. Тем не менее, она продолжала жить с ним. Одна из ссор привела к тому, что муж при посторонних людях выгнал ее из квартиры с побоями и с криками *талак*. Отношения супругов были очень болезненными, они долго не могли окончательно разорвать семейные узы. Хасей с одной стороны постоянно проявлял жестокость по отношению к супруге, с другой стороны не давал ей развода. Сам он продолжал страдать от своей «тайной болезни». Но после очередного скандала, 24 марта 1830 г. Хасей Абдрахимов дал подписку отчиму Гульбадар – Салиху Сейфуллину о том, что «он не будет совершать противозаконных действий против» супруги, обещал «в течение двух месяцев излечиться от своей болезни», а в случае невыполнения условий – дать жене развод.

Супругам удалось договориться лишь к сентябрю 1830 г. Как сообщал ахун деревни Чуганеевой Кадряч Муртазин, Абдрахимо дал Гульбадар Ахтямовой разводное письмо (НА РБ. Ф. И–295. Оп.4. Д. 603. Л.1–8).

3) Хасиба Ардуанова. 1825 г.р. Выросла в д.Новые Бугады Мензелинского уезда (совр. Актанышский район Республики Татарстан). Воспитывалась матерью и отчимом Биктимиром Губеевым (1801 г.р.). Примерно в 20-летнем возрасте была выдана замуж за жителя деревни Бексентеево Мензелинского уезда – Абдулхабира Габдулгафарова. Мать и отчим подготовили приданое для дочери: сундук с кованым железом, перина перовая, занавеска простая, белый льняной большой полог и одиннадцать куриц. Из хозяйства отчима молодая жена взяла «на подержание» чугунный котел. На свадьбу в качестве *махра* родители мужа подарили невесте сундук с кованым железом, корову с телятком, козу, овечку, рубашки и другую одежду (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.8–8 об.). Это недвижимое имущество, по обычаю, считалось личной собственностью жены.

После замужества Хасиба переехала к мужу, в деревню Бексентеево (совр. Мензелинский район Республики Татарстан). Неизвестно, сразу или позднее, но уже к 1848 г. у молодой семьи был собственный дом и небольшое хозяйство, которое они вели отдельно от отца Абдулхабира – Габдулгафара Габдулнасы-

рова (1799 г.р.). Муж Хасибы был примерно ее возраста. Занимался крестьянским трудом, в основном хлебопашеством. В 1846 г. семье Хасибы и Абдулхабира случилось радостное событие – родилась дочь Шаммияхат. Однако семейная жизнь Хасибы продолжалась недолго. Уже через два года, в сентябре 1848 г. ее муж Абдулхабир умер от холеры. В этот период в Мензелинском уезде как раз бушевала эпидемия этого заболевания. В 23 года Хасиба осталась вдовой, ее дочери Шаммияхат исполнился на тот момент только один год.

Самостоятельно содержать нажитое с мужем хозяйство она уже не могла. Очевидно, и вариант проживания в семье свекра и свекрови тоже не рассматривался. Поэтому вскоре молодая вдова перебралась в дом отчима, в д. Новая Будага. По ее словам, по приказу свекра брат мужа Абдулнафик помогал ей с переездом. С собой она забрала приданое и *махр*, часть урожая льна (половину телеги), и «порты перетканые бумагой» (т.е. штаны). Как отмечала сама Хасиба, свёкор провожал её до самой околицы. Малолетнюю дочь Шаммияхат женщина оставила у родителей мужа.

Вскоре молодая вдова снова вышла замуж. Уже в июне 1849 г. она состояла в браке с жителем д. Казкино Шагимарданом Фувартовым. Дочь Хасибы Шаммияхат осталась в семье родителей ее первого мужа.

С 1849 по 1852 гг., т.е. в течение четырех лет Хасиба Ардуанова судилась с бывшим свёкром Габдулгафаром Габдулнасыровым из-за имущества. Судебные разбирательства инициировал свёкор, который обвинил бывшую сноху в незаконном присвоении имущества после смерти его сына Абдулхабира. В качестве украденного имущества он перечислял приданое Хасибы и *махр*, подаренный ей на свадьбу. Кроме того, он считал, что сноха забрала не причитавшийся ей урожай (три пуда ржи, телегу льна, семь стогов сена), три фунта овечьей шерсти, две подушки с наволочками и т.д. Надо отметить, что бывший свёкор Хасибы был человеком своеобразным. Он был 1799 г.р., грамоты не знал. При этом имел судимость, в 1845 г. был осужден за «ябедничанье», наказан розгами (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.15). Габдулгафар был «опытным» клеветником.

Спорное дело между родственниками вел имам д. Ильчибаевой Махмут Мансуров и ахун д. Поисеевой Муллахмет-Латиф Ягудин. Вопрос рассматривался в Оренбургском магометанском духовном собрании и в управлении Башкиро-мещеряцким войском. Долгие разбирательства и дознания разрешились в пользу Хасибы Ардуановой. Было постановлено «подаренное снохе имущество оставить в собственности той Ардуановой, ибо по правилам магометанского закона отданные из доброй воли подарки назад не возвращаются». В 1852 г. бывшие свёкор и невестка заключили мирное соглашение (НА РБ. И–295. Оп.4. Д.2150. Л.1–66).

Привлечение дополнительных источников (ревизских сказок, метрических книг) может дать еще более развернутую картину частной жизни описанных

выше женщин: сведения об их вторичном замужестве и супругах, родившихся детях, о состоянии здоровья и т.д.

* * *

Изучение частной жизни татарских женщин Мензелинского уезда дореформенной эпохи показывает, что в этот период они занимали двойственное положение как в семье, так и в обществе. С одной стороны, при ревизиях они рассматривались только как члены семьи и находились под опекой родственников-мужчин. В этом смысле они ассоциировались с материальной собственностью. Неслучайно, таким же «материальным» был образ татарской женщины в публицистике того времени.

С другой стороны, с начала XIX в. женщины-татарки уже являлись не только объектом, но и субъектом гражданского и мусульманского права. Женщин фиксировали в метрических книгах, они фигурируют как самостоятельные единицы в различных судебных разбирательствах. В 1840-е гг. Появляется несколько нормативно-правовых актов, касающихся непосредственно положения татарских женщин Мензелинского уезда. Так, до 16 лет был увеличен брачный возраст мусульманок, утратил силу закон 1736 г. на запрет браков между «казанскими татарами» и «башкирцами». К слову, в середине XIX в. в Восточном Закамье были сильны брачные связи с Заказаньем, соответственно было много межсословных браков внутри татарского сообщества (между тептярями, «башкирцами», ясашными и служилыми татарами).

В ОМДС татарские женщины обращались с просьбами о разводе, для получения разрешений на новый брак, вступлений в наследственные права. Анализ конкретных женских биографий первой половины XIX в. раскрывает различные аспекты вопроса о смене семейного статуса татарской женщины. Такие перемены были связаны с рекрутской службой супругов, с их ссылкой в Сибирь, последствиями холерной эпидемии, медицинскими и социально-психологическими причинами («тайные болезни», домашняя агрессия и т.д.). Вместе с тем даже в самых частных вопросах женщины-татарки действовали только при поддержке родственников. Именно семья определяла степень свободы (давала или не давала право выбора). В образованных татарских семьях (например, мулл) уже в этот период появляются женщины умеющие не только читать, но и писать. Это подтверждается их подписями под разными прошениями. Но в целом, вопросы женского просвещения и изменения роли женщины в семье и обществе начинают волновать широкие слои татарского населения только в конце XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

ИСТОЧНИКИ

Журналы чрезвычайного Мензелинского уездного земского собрания созыва 27 апреля 1885 года с докладами управы и приложениями. Казань: Типография А.А. Родионова, 1885.

Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сборник / сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа: Китап, 1999.

Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И–295. Оп. 4. Д. 707.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 603.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 604.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 665.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 666.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 711.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 762.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 822.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 886.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 889.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 999.

НА РБ. Ф. И–295. Оп. 4. Д. 2150.

Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания, 1841–1901 гг. Уфа: Оренбургское магометанское духовное собрание, 1902.

Сборник постановлений Мензелинского уездного земского собрания XXXVIII-й очередной сессии с 30 октября по 12 ноября 1912 года и доклады Мензелинской уездной земской управы с приложениями. Мензелинск: Типография Наследников Губанова, 1913.

Фахреддин Р. Знаменитые женщины // Бельские просторы. 2008. №2. URL: http://www.hrono.info/text/2008/fah02_08.html (дата обращения: 20.08.2023)

ЛИТЕРАТУРА

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

Асфандияров А.З. Брак и развод у башкир в XVIII – первой половине XIX в. // Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма. Свердловск: УрО АН СССР, 1990. С.136–147.

Багаутдинова Х.З. Историко-этнографический очерк «Описание села Мастеева Мензелинского уезда Уфимской губернии» (1870–1880-е гг.) // Исчезнувшие и исторические села: изучение, сохранение и возрождение. Казань-Азнакаево, 2017. С.174–179.

Казанцев И.М. Описание башкирцев. СПб.: «Общественная польза», 1866.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: НЛЮ, 2020.

Татарские селения Восточного Закамья / отв. ред. *А.И. Ногманов*. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2021.

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420011, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр РАН» (420111, ул. Лобачевского, 2/31, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

Поступила 24.08.2023

Принята к публикации 29.09.2023

PRIVATE LIFE OF A TATAR WOMAN OF THE PRE-REFORM ERA (ON THE EXAMPLE OF THE MENZELINSK UYEZD)

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”

Kazan, Russian Federation

bahetem@mail.ru

The article restores the social and economic status of Tatar women based on documents of Orenburg Mokhammedan Religious Assembly (OMRS), state audit documents, acts of civil status, and journalistic materials of the 19th-early 20th centuries. The Menzelinsk Uyezd had class specifics and was a part of the military (canton) administration. The chronology of the article starts from the late 18th century and continues until the mid-1860s, due to the fact that at the time the state authorities approved certain laws on marriage and family life of Muslims of the Russian Empire: they changed the age of marriage and legalised inter-class marriages, the OMRS began to regulate marital disputes and inheritance cases.

The author places the main focus on the marriage and family aspect of private life and includes many archival examples related to the Tatar women of the Menzelinsk Uyezd. Tatar women turned to OMRS when they needed a divorce or permission to remarry, etc. Women were independent subjects of Muslim and civil law, but they always acted with the support of their relatives.

Images of Tatar women in the first half of the 19th century presented in publicistic works are a bit static. Russian authors described only the look of a Tatar woman, the cost of her clothes, accessories, etc. The Tatar view was focused on the composition of the woman's family (to whom she was married, how many children she had).

The article presents the biographies of three Tatar women from the Menzelinsy Uyezd: Kurypla Imanaeva, Gulbadar Akhtyamova, and Khasiba Arduanova. Each case illustrates the main trends in everyday life in the first half of the 19th century (military service problems, the cholera epidemic, etc.). The everyday objects played an important role in interpersonal relations and conflicts. At the same time, in the second half of the 19th century, the Tatar society had an ideal of not only a hard-working and religious woman, but also an educated woman.

Keywords: Tatars, Muslims, history of everyday life, gender history, estates of the Volga-Ural Region.

For citation: Gabdrafikova L.R. (2023) Private life of a Tatar woman of the pre-reform era (on the example of the Menzelinsk Uyezd). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 8. No. 3: 407–421. DOI: 10.22378/he.2023-8-3.407-421 (In Russ.)

REFERENCES

- Azamatov D.D. (1999). *Orenburg Mokhammedan Spiritual Assembly in the late 18th – 19th centuries*. Ufa: Gilem Publ. (In Russ.)
- Asfandidzharov A.Z. (1990). Marriage and divorce among the Bashkirs in the 18th – first half of the 19th centuries. In: *Demographic processes in the Urals in the era of feudalism*. Sverdlovsk: Ural Branch of the Academy of Sciences of the USSR: 136–147. (In Russ.)
- Bagautdinova Kh.Z. (2017). Historical and ethnographic essay “Description of the village of Masteeva, Menzelinsk District, Ufa Province” (1870–1880s). In: *Disappeared and historical villages: Study, preservation and revival*. Kazan-Aznakaevo: 174–179. (In Russ.)
- Kazantsev I.M. (1866). *Description of the Bashkirs*. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Publ. (In Russ.)
- Krews Robert D. (2020). *For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Tatar villages of the Eastern Trans-Kama Region (2021). A.I. Nogmanov (ed.). Kazan: Sh. Marjani Institute of History. (In Russ.)

About the author: Liliya R. Gabdrafikova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (2/31, Lobachevsky St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru

Received August 24, 2023

Accepted for publication September 29, 2023